

Александр
Тамоников

ЗА СПИНОЙ ВОИНЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 За спиной войны / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (СМЕРШ —
спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-248592-3

Октябрь 1943 года. Капитан СМЕРШ Виктор Крылов направляется в освобожденный от фашистов Смоленск с заданием выявить и обезвредить оставшуюся там вражескую агентуру. Еще в поезде Виктор обращает внимание на необычного пассажира, представившегося инженером Соколовым. Тот явно опасался контролеров, сторонился попутчиков и вышел, не доезжая до своей станции. Прибыв в город, Крылов собирает оперативную группу и разрабатывает план действий на ближайшее время. Неожиданно он встречает в городе Соколова. От прежнего застенчивого инженера не осталось и следа: новая прическа, дорогой костюм, свободные манеры... Оперативник решает проследить за странным субъектом. Подозрения усиливаются, когда проверка показывает, что «инженер Соколов» в городе не зарегистрирован...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248592-3

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

На Павелецком вокзале Москвы всегда будут люди — сложно представить, чтобы это место когда-нибудь затихло и в нем не оказалось ни единой души. Так, холодным октябрьским вечером, независимо от погоды и обстановки вокруг, на вокзале все равно были люди. Некоторые из них сидели, но большинство стояло, поставив чемоданы рядом или крепко держа их, будто боялись расстаться с ними или случайно выпустить из рук. Большинство этих людей — замерзших и уставших после очередного долгого дня — ждало свои поезда. Они прислушивались к шипящему голосу сотрудницы вокзала, которая не всегда понятно докладывала об обстановке на железнодорожных путях. Один поезд задерживается, второй тоже, третий уже приехал и ждет своих пассажиров, а четвертый отменен из-за того, что где-то далеко — за пределами Павелецкого вокзала — оказа-

лись повреждены пути. Кто-то от таких новостей сильнее вжимался в шерстяные платки и пальто, кто-то охал и ахал, не скрывая возмущения, строил сердитое лицо и, недовольно бормоча что-то, уходил с вокзала.

Поезд до Смоленска тем не менее вроде как должен был прибыть по расписанию — ровно в час ночи. Его дожидалось не самое большое количество людей, да и по ним сложно было понять, поедут они в Смоленск или выйдут на станции до него. Главное, что все они ждали. Ждали, когда же начнется посадка.

Но поезд все не прибывал. Машинист, наверное, ждал кого-то особенного. Может быть, он знал, что в его состав до Смоленска, совсем недавно освобожденного от немецко-фашистской оккупации, спешат матери с детьми, которые наконец дождались свободы! И хотят вернуться в родной дом. Спешат военные и гражданские, готовые помочь восстанавливать город. Спешит и новоиспеченный капитан Смерша Виктор Крылов, который без десяти час ночи вышел из черного автомобиля, остановившегося прямо у здания вокзала. Он взял свой саквояж, проверил полевую сумку, в которой всегда хранил вещи первой необходимости, поправил шинель и начал подниматься по ступеням. Или... он не совсем спе-

шит? Перед самым выходом Крылов остановился и достал из кармана галифе портсигар. Вынув из него сигарету, он зажал ее зубами и, найдя в том же кармане зажигалку, закурил. Он глянул назад, на черную машину, которая привезла его, и пассажир, сидевший на переднем сиденье, как-то странно и недоуменно на него посмотрел, пожав плечами. Крылов махнул ему рукой, сделав очередную затяжку. Капитан нахмурился, и в следующую минуту автомобиль уехал как ни в чем не бывало. Докурив, Виктор выбросил окурочек и вошел в здание Павелецкого вокзала.

Тем не менее он, как и те, кто его привез, не угадал со временем — поезд приехал все равно с небольшим опозданием, как часто бывает, а в условиях войны так бывает всегда. Некоторые пассажиры начали возмущаться тем, что поезд прибыл не вовремя, но когда они вышли на перрон, где их моментально начал продувать морозный осенний ветер, все возмущения резко закончились, и люди просто молча топтались на одном месте, чтобы хоть как-то согреться.

Зайдя в вагон, Виктор Крылов нашел нужное место и, сняв шинель, закутал в нее свой саквояж, который затем спрятал подальше на полку для багажа. Усевшись удобнее, Крылов кивком поздоровался со своими попутчиками и достал из

полевой сумки записную книжку. Сверив время с часами, он на новой странице книжки сделал карандашом запись:

«1:35. 24 октября. Москва — Смоленск».

В этот миг поезд качнуло, и Крылов, вцепившись в блокнот, случайно прикусил язык. Морщась, он посмотрел вокруг и закрыл книжку. Пожалуй, довольно записей для первых минут поездки. Спрятав записную книжку и карандаш в сумку, капитан окинул взглядом вагон — поезд тем временем начал стремительно набирать скорость.

— А вы, наверное, капитан, да? — внезапно послышался голос со стороны.

Виктор обернулся и увидел перед собой девочку, то и дело болтающую ногами, — она сидела на руках у мамы и зевнула, любопытно поглядывая на Крылова.

— Да. — Он улыбнулся ей как-то мягко и по-отечески тепло. Большого он, к сожалению, рассказать не мог никому.

— А вы в Смоленск едете, да? — не унималась девчушка.

— Нюра, — одернула мать дочь. — Перестань задавать вопросы чужим дядям. Видишь, дядя в форме, военный, значит, не донимай его.

— Военный, как папа? — Девочка повернулась уже к матери и стала сыпать вопросами уже

ЗА СПИНОЙ ВОЙНЫ

в ее адрес: — А когда папа вернется? А напишет? А с фронта письма долго идут? А он про нас не забыл?

Виктор прикрыл глаза. Под бесконечные вопросы девочки Нюры и перестук колес он не заметил, как провалился в сон. Засыпая, в полудреме Крылов обдумывал предстоящую операцию, составляя в своей голове план действий: «Сначала добраться до Соловьева, затем собрать сведения, потом передать их в штаб, найти подозреваемых, доказательства, потом снова доложить...»

Но план оборвался на самом важном и интересном моменте. Вместо него Крылов начал видеть тревожные, окрашенные тягостью войны сны.

ГЛАВА 1

В предрассветных сумерках все кажется немного иным, чем есть на самом деле. Так, Виктор Крылов, уже пять минут стоявший в туалете пассажирского поезда, преодолевавшего последние километры на пути из Москвы в Смоленск, смотрел на свое отражение в зеркале и не мог понять, когда он успел так сильно устать. Он провел рукой по щетине, еще раз отметил темные круги вокруг его голубых глаз и оттянул вниз гимнастерку, которую он не снимал практически никогда. Она немного помялась, пока он дремал в пути... Он хотел сойти с поезда, имея более-менее приличный вид, и сразу же приступить к делам. А их было много — очень много.

Виктор вернулся к своему месту и, поевшись от утреннего сквозняка, взглянул в окно. Там на быстро сменяющейся картинке черные силуэты деревьев постепенно становились се-

ро-голубыми, а после начинали приобретать свои обычные краски. Ночь отступала — к счастью, эта была спокойной: только гул самолетов изредка нарушал перестук колес. Опасения Крылова, которые из всех возможных вариантов касались внезапной воздушной атаки, не подтвердились — хотя риск бомбежки в последние полтора часа пути еще оставался. Чтобы отвлечься от мыслей, капитан отвернулся от окна и посмотрел по сторонам. Остальные пассажиры только просыпались, тоже утомленные дорогой, — время от времени кто-то из них сонно шаркал обувью по вагону и, зевая, нес в руках то подстаканник с горячим чаем, то полотенце.

«Наблюдение — один из главных инструментов сотрудника Смерша», — повторил про себя Крылов заученное определение, сказанное ему еще в самом начале обучения в школе НКВД полгода назад: «Только долго и тщательно наблюдая за объектом, можно узнать его истинные помыслы и вовремя остановить». Он прикрыл глаза, сосредоточился, перебирая в уме все, что он узнал за последний год, и уткнулся взглядом в одного из пассажиров. Виктор помнил — ему всегда стоит быть начеку. Его враг — самый опасный из всех. Его враг — шпион, диверсант, предатель, продавший свою Родину немцу.

Только пассажир, в которого Крылов уперся взглядом, о его умозаключениях не подозревал — мужчина лет сорока в это время спокойно читал «Правду». Свежая газета хрустела в его пальцах, а края ее свешивались вниз настолько, что Виктор мог видеть его лицо: аккуратно подстриженная борода, очки, складка меж бровями и в целом весьма сосредоточенный, но какой-то измученный вид. Крылов скользнул взглядом ниже и обнаружил, что на мужчине новое кожаное пальто — интересно, и где он его приобрел в разгар войны, когда многие голодают, как, например, в Ленинграде... Что-то щелкнуло в голове у Крылова, и он замер: мысли о Ленинграде, о холодном, жестоком Ленинграде, в который никак не прорваться и из кольца которого не вырваться, болью отзывались в душе капитана. Он посмотрел еще раз на мужчину, сидящего наискосок от него, и, наконец, увидел в ногах его саквояж. В нем при каждой малейшей тряске что-то звенело — металлический звук был еле слышен, но чем-то привлек Крылова, как и весь внешний вид пассажира. Один раз тот даже выглянул из-за своей газетки и с возмущением глянул на Виктора, но, увидев, что тот в форме, как-то сконфузился, кивнул и снова уткнулся в сводку Совинформбюро.

Поезд неожиданно качнуло сильнее обычного — Виктор в последний миг рефлекторно схватился руками за столик перед собой и избежал падения, — вагон заскрипел в такт остальному составу, и поезд остановился.

— Внимание! Остановка! Станция Ярцево! Станция Ярцево! — гнусавым голосом громко объявила кондуктор. — Остановка две минуты! Предъявите билеты для проверки!

Виктор похлопал себя по карманам и достал смятый билетик. На нем почти стерлась печать московской проверки. Капитан вспомнил, как этот самый билет ему вручило начальство. «Поедешь, значит, в Смоленск на задание, — сказали ему тогда. — Город только недавно как освободили, всякой дряни там сейчас полно — выползли, гады-то, после освобождения, все к Гитлеру вернуться хотят, вот ты их и поймаешь. Понял?» Понял. Его третье задание в новой должности и новом звании, да еще и в Смоленске — здесь никак нельзя было оплошать.

— Товарищ капитан, предъявите билетик, — прозвучал совсем рядом с Крыловым голос.

Он поднял голову и протянул скомканную бумажку.

Женщина, оказавшаяся рядом с ним, хмыкнула и попыталась расправить билет, затем со-

средоточилась, чтобы сверить данные. Виктор подобные заминки не любил, а потому поднял взгляд на контролера, сзади которой в это время почти незаметно проскользнул тот самый мужчина в очках. Он поправил их, но как-то криво, зажал посильнее газету и почти обнял свой чемодан, а после всего за одно мгновение ока вышел из поезда как ни в чем не бывало. Странная картина... И куда он так спешит? Покурить, что ли?

— Ага, ну что ж, товарищ, — сообщила женщина у него над ухом и, сложив, слегка разорвала билет. — Билетик действителен, так что хорошего пути, скоро будете в Смоленске.

Виктор резко поднялся и, глядя сверху вниз на изумленную даму, которая в недоумении захлопала ресницами, выпалил:

— Сколько еще до Смоленска?

— Так... два часа, милочек, — пробормотала она, поправив берет.

Крылов кивнул и мигом вышел из вагона, не смотря на возмущения проводницы, кричащей что-то о двух минутах. Если его чутье не подводит, то этот подозрительный тип, прошмыгнувший за секунду до проверки и сейчас спешно уходящий в сторону выхода со станции, в самом деле хранил какие-то секреты. Виктор, догоняя его, перебирал в голове все возможные варианты по-

вода к задержанию и в конце концов остановился на том, что сейчас военное время, а он вызывает подозрения.

— Предъявите документики! — крикнул он чуть ли не у уха мужчины.

Тот вздрогнул — видно было, что он совсем не ожидал, что кто-то его настигнет, и обернулся. Виктор попытался понять, какую эмоцию выражало его лицо, но, кроме беспокойства, ничего не распознал. Незнакомец суетливо поправил очки, сунул руку в карман кожаного пальто и достал оттуда темно-серый прямоугольник — паспорт, который практически сразу выдернул из его рук Крылов.

— Так... — задумчиво произнес капитан, сверяя сначала фотографию с реальным лицом, а затем проверяя написанное. — Товарищ Соколов... Алексей Иванович... 1901 года рождения...

Виктор взглянул на мужчину и хмыкнул:

— Род деятельности?

— Я... инженер, — едва слышно ответил Соколов.

— По какой нужде направляетесь в Смоленск?

Виктор жестом указал на чемодан инженера, и тот открыл его. Внутри оказались какие-то погнутые железки, а под ними стопки белья и личных вещей.

— Да вот, помогать восстанавливать город направляюсь... — Соколов поправил очки, съехавшие на нос. — В Смоленске же почти нет связи — все нарушено после... — Тут он замялся. — Ну, в общем, ничего, восстановим, не только же письма отправлять полевой почтой.

Мужчина робко улыбнулся, закрыл чемодан и глянул на капитана. Тот, до последнего пытаюсь выследить, что в этой истории может быть не так, еще раз просмотрел паспорт и только после этого беззаботно улыбнулся, возвращая документ.

— Так вы, должно быть, в Смоленск из Москвы-то самой едете? — как ни в чем не бывало спросил Крылов.

— Нет, — проговорил Соколов. — Я из Ленинграда, а в Москве оказался волею судьбы — меня эвакуировали практически сразу в составе нашего завода, а там я уже перебрался в столицу. Руки-то все равно нужны.

Он пожал плечами и еще раз поправил очки.

— Ну, товарищ, это все? А то, извините, мне пора.

В эту самую секунду поезд, как бы соглашаясь с инженером, загудел. Виктор проигнорировал спешку транспорта, уже готовящего двигатель к разгону, и неожиданно протянул руку Соколову. Тот, в который раз изумившись, все же пожал ее.

— Вопросов к тебе у меня больше нет, — улыбнулся капитан. — Так что иди с миром и удачи тебе на службе.

— И вам, и вам, — закивал инженер, а после повернулся к нему спиной и засеменил к выходу.

Виктор на миг остановил взгляд на его слегка сутулой спине, а после побежал к своему вагону. Заскочить в него он успел, когда поезд тронулся, поэтому на свое место капитан сел, уже запыхавшись и переводя дыхание. Пассажиры не понимали его состояния, не знали, что в это время творилось в душе капитана, а потому быстро отвернулись и занялись своими делами. В конце концов, для них куда было важнее то, что всего через пару часов они окажутся в Смоленске.

Крылов тем временем достал из кожаной сумки, которую всегда носил с собой и ни при каких обстоятельствах не снимал, разве что только если чувствовал себя в полной безопасности, записную книжку, карандаш и принялся писать.

К бумаге, которую Виктор считал своим верным помощником и свидетелем его жизни, он обращался довольно часто — в основном большинство своих мыслей, чтобы не проговорить их случайно кому-то из подчиненных или не дай бог врагу, он излагал именно в этой записной книж-

ке. Так, Крылов после встречи с инженером записал в блокноте следующее:

«Алексей Иванович Соколов. Инженер. 1901 года рождения. Родом из Ленинграда, эв. (эвакуирован) в Москву, *вышел на ст. Ярцево в 70 км от Смоленска*».

Крылов задумчиво отвел взгляд и сделал еще одну пометку — рядом с ФИО инженера поставил знак вопроса.

«В конце концов, можно по прибытии в город узнать, чем он занимается и какое поручение выполняет. А если из Москвы, то откуда конкретно», — подумал Крылов и закрыл блокнот.

И почему только он обратил внимание на этого инженера? Вон, рядом с ним ехала мать с шестилетней дочкой. Девочка если не спала, то постоянно сыпала вопросами обо всем на свете — от устройства мира до цвета пуговиц у нее на платье. И чем не подозрительно? Вполне подозрительно... Только чуйка на них молчит. А на инженера этого дала о себе знать. Да и сейчас у Крылова осталось двоякое ощущение от знакомства... Нет, что-то не так было с этим инженером — капитан это знал твердо. А если что-то не так, то надо разобратся...

«Доказательства — вот неопровержимый факт всех догадок. Строить подозрения на одних лишь

мыслях ни в коем случае нельзя» — еще один важный урок, который Крылов выяснил за месяцы обучения. Да, действительно нельзя... Но могут ли эти самые догадки быть неправильными? Или шестое чувство, о котором спорят ученые, действительно существует и не обманывает?

Крылов, раздираемый в душе вопросами и догадками, отвернулся к окну и вновь посмотрел на рассвет. Поезд мчался по разбомбленной области — среди бескрайних лесов и полей то и дело показывались холмы свежей земли, разрушенные дома, от которых остались лишь груды кирпичей и дров, а также кладбища военной техники. Смоленск, освобожденный не так давно, еще зализывал раны, оставленные немецкими захватчиками, и на место смерти постепенно приходила новая — победная — жизнь.

ГЛАВА 2

Смоленский вокзал представлял собой руины — щепки и стены остались от величественного здания ранее небывалой красоты. За секунду до полной остановки Виктор услышал, как кто-то из пассажиров рядом с ним шепотом рассказал, что немцы, перед тем как оставить город, взорвали

все что могли — практически полностью с лица земли были стерты два смоленских вокзала. Теперь же один из них больше походил на сложенные друг на друга камни.

Состав остановился у перрона — если так можно было назвать каменную площадку, по которой через каждые пару метров ходили дежурные — солдаты с винтовками, закутавшиеся в шинели, встречали высыпавших из поезда пассажиров. Кто-то из них приехал домой, кто-то — как и большинство — помогать восстанавливать Смоленск. Виктор же, оказавшийся на земле и тоже поплотнее застегнувший шинель и взявший покрепче свой саквояж, сам не знал, зачем приехал. Какие тайны скрывал этот город и люди в нем — ему еще предстояло узнать.

Крылов прошел в общей толпе мимо рабочих, таскающих камни и толкающих тележки, мимо румяных женщин, стоявших у ведер с красками, и вышел в город. Смоленск! Капитан Крылов никогда в нем прежде не был, а потому смотрел на все заворуженно — здесь кипела жизнь, которой он так давно не видел. Здесь мимо проезжали десятки автомобилей — машины стояли у гранитных ступеней, часть из которых обвалилась от бомбежек и пуль. Здесь ходили люди — они не боялись ходить по улицам, разговаривать, гулять, улыбаться

и просто жить. После полугода школы Смерш, а до этого восстановления после теперь уже блокадного Ленинграда (от этого остались не воспоминания, а яркие болезненные вспышки, как раны на душе), Виктор не мог в это поверить. Он даже потянулся к портсигару, всегда лежавшему в его левом кармане. Ему захотелось остановиться на мгновение, обдумать происходящее и окинуть взором раскинувшийся перед ним город.

Но кто-то в это время грубо толкнул его в плечо — Виктор не удержался, спустился на ступеньку вниз, и все философское настроение тут же исчезло. Он сделал глубокий вдох и стал спускаться по лестнице дальше — в конце концов, еще ночью, в Москве, Крылов знал, что не будет терять времени и что ему очень удобно то, что поезд приехал в Смоленск именно утром. Здесь, в холодные октябрьские 8 часов утра, Крылов планировал начать свою операцию. Но первым делом ему было необходимо найти хоть одно знакомое лицо.

Он дошел до скамьи, куда поставил саквояж, и достал блокнот из полевой сумки. Там, на одной из страниц, он нашел запись недельной давности.

«По пр. в Смоленск найти В. Свиридова.
Адрес: ул. Большая Советская, д. 12, кв. 4».

Значит, Крылову нужна именно эта улица. Он спрятал блокнот назад в сумку и обратился к про-

ходящей мимо женщине, закутанной в шерстяной платок и старое пальто. Она шла с авоськой, полной продуктов.

— Простите, вы не подскажете, как добратся до Большой Советской? — Крылов улыбнулся, чтобы смягчить свое обращение, и встретил такую же улыбку от незнакомки.

— Если на машине, то вам всего минут десять пути, — ответила женщина, поправляя рукой в варежках платок, налезший на лоб. — Но можете и пешком... Вижу, машины у вас нет. Тогда вам нужно прямо по улице Желябова, а затем повернете направо и через мост все время прямо. Ой, только моста-то там сейчас нет — на паромчике придется или в обход.

— Сколько это примерно займет времени? — поинтересовался Крылов, перехватывая ручку саквояжа.

— Да минут... Ну полчаса где-то, — задумалась женщина и, глядя на него, кивнула.

— Спасибо вам большое, — сказал он уже вслед ей. Женщина с каждой секундой стремительно отдалялась от него, не отреагировав на благодарность.

Машины у капитана действительно не было, но это только пока. Согласно инструкциям, которые ему дали еще в Москве, личный автомо-